

И.С. Тургенев

Дым. Дворянское гнездо

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т87

Т87 **Тургенев И.С.**
Дым. Дворянское гнездо / И.С. Тургенев – М.: Книга по Требованию, 2021. –
473 с.

ISBN 978-5-517-99365-6

ISBN 978-5-517-99365-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I

10-го августа 1862 года, въ четыре часа пополудни, въ Баденъ-Баденѣ, передъ извѣстною «Conversation» толпилось множество народа. Погода стояла прелестная; все кругомъ — зеленыя деревья, свѣтлыя дома уютнаго города, волнистыя горы — все празднично, полною чашей раскинулось подъ лучами благосклоннаго солнца; все улыбалось какъ-то слѣпо, довѣрчиво и мило, и та же неопредѣленная, но хорошая улыбка бродила на человѣчкихъ лицахъ, старыхъ и молодыхъ, безобразныхъ и красивыхъ. Самыя даже насурмленные, набѣленные фигуры парижскихъ лоретокъ не нарушали общаго впечатлѣнія яснаго довольства и ликованія, а пестрыя ленты, перья, золотыя и стальные искры на шляпкахъ и вуаляхъ невольню напоминали взору оживленный блескъ и легкую игру весеннихъ цвѣтовъ и радужныхъ крыль: одна лишь повсюду разсыпавшаяся, сухая, гортанная трескотня французскаго жаргона не могла ни замѣнить птичьяго щебетанья, ни сравниться съ нимъ.

А впрочемъ все шло своимъ порядкомъ. Оркестръ въ павильонѣ игралъ то попурри изъ *Травиаты*, то вальсъ Штрауса, то *Скажите ей*, російскій романсъ, положенный на инструменты

услужливымъ капельмейстеромъ; въ игорныхъ залахъ, вокругъ зеленыхъ столовъ, тѣснились тѣ же всѣмъ знакомыя фигуры, съ тѣмъ же тупымъ и жаднымъ, не то изумленнымъ, не то озлобленнымъ, въ сущности хищнымъ выраженіемъ, которое придаетъ каждому, даже самымъ аристократическимъ чертамъ картежная лихорадка; тотъ же тучноватый и чрезвычайно щегольски одѣтый помѣщикъ изъ Тамбова, съ тою же непостижимою, судорожною поспѣшностью, выпуча глаза, ложась грудью на столъ и не обращая вниманія на холодныя усмѣшки самихъ «крупіа», въ самое мгновеніе возгласа: «rien ne va plus!» разсыпалъ вспотѣвшею рукой по всѣмъ четверугольникамъ рулетки золотыя кружки луидоровъ, и тѣмъ самымъ лишалъ себя всякой возможности что-нибудь выиграть, даже въ случаѣ удачи; что нисколько не мѣшало ему, въ тотъ же вечеръ, съ сочувственнымъ негодованіемъ поддакивать князю Кокò, одному изъ извѣстныхъ предводителей дворянской оппозиціи, тому князю Кокò, который въ Парижѣ, въ салонѣ принцессы Матильды, въ присутствіи императора, такъ хорошо сказалъ: «Madame, le prince de la propriété est profondément ébranlé en Russie» Къ русскому дереву — à l'arbre russe — обычнымъ порядкомъ собирались наши любезные соотечественники и соотечественницы; подходили они пышно, небрежно, модно, привѣтствовали другъ друга величественно, изящно, развязно, какъ оно и слѣдуетъ существамъ находящимся на самой высшей вершинѣ современнаго образованія; но, сойдясь и усѣвшись, рѣшительно не знали что сказать другъ другу, и пробавлялись либо дрянненькимъ пере-

ливаніемъ изъ пустого въ порожнее, либо зата-сканными, крайне нахальными и крайне плоскими выходками давнымъ-давно выдохшагося французскаго эксъ-литератора, въ жидовскихъ башмаченкахъ на мизерныхъ ножкахъ и съ презрѣнною бородкой на паскудной мордочкѣ, шута и болтуна. Онъ имъ враль, à ces princes russes, всякую прѣсную дребедень изъ старыхъ альманаховъ *Шаривари* и *Тентамарра*, а они, ces princes russes, заливались благодарнымъ смѣхомъ, какъ бы невольно сознавая и подавляющее превосходство чужестраннаго умника, и собственную окончательную неспособность придумать что-нибудь забавное. А между тѣмъ тутъ была почти вся «fine fleur» нашего общества, «вся знать и моды образцы». Тутъ былъ графъ X., нашъ несравненный дилетантъ, глубокая музыкальная натура, который такъ божественно «сказываетъ» романсы, а въ сущности двухъ нотъ разобрать не можетъ, не тыкая вкось и вкривь указательнымъ пальцемъ по клавишамъ, и поетъ не то какъ плохой цыганъ, не то какъ парижскій коаферъ; тутъ былъ и нашъ восхитительный баронъ Z., этотъ мастеръ на всѣ руки: и литераторъ, и администраторъ, и ораторъ, и шулеръ; тутъ былъ и князь Y., другъ религій и народа, составившій себѣ во время оно, въ блаженную эпоху откупа, громадное состояніе продажей сивухи, подмѣшанной дурманомъ; и блестящій генераль О. О., который что-то покорилъ, кого-то усмирилъ, и вотъ, однако, не знаетъ куда дѣться и чѣмъ себя зарекомендовать; и Р. Р., забавный толстякъ, который считаетъ себя очень больнымъ и очень умнымъ человѣкомъ, а здоровъ какъ быкъ и глупъ какъ цень . . . Тотъ

же Р. Р. почти одинъ въ наше время еще сохранилъ преданія львовъ сороковыхъ годовъ, эпохи *Героя нашего времени* и графини Воротынской. Онъ сохранилъ и походку въ раскачку на каблучкахъ, и «le culte de la rose» (по-русски этого даже сказать нельзя), и неестественную медлительность движеній, и сонную величественность выраженія на неподвижномъ, словно обиженномъ лицѣ, и привычку, зѣвая, перебивать чужую рѣчь, тщательно разсматривать собственные пальцы и ногти, смѣяться въ носъ, внезапно передвигать шляпу съ затылка на брови и т. д., и т. д. Тутъ были даже государственные люди, дипломаты, тузы съ европейскими именами, мужи совѣта и разума, воображающіе, что золотая булла издана папой, и что англійскій «*oor-tax*» есть налогъ на бѣдныхъ; тутъ были, наконецъ, и рьяные, но застѣнчивые поклонники камелій, свѣтскіе молодые львы съ превосходнѣйшими проборами на затылкахъ, съ прекрасными висячими бакенбардами, одѣтые въ настоящіе лондонскіе костюмы, молодые львы, которымъ, казалось, ничего не мѣшало быть такими же пошляками, какъ и пресловутый французскій говорунъ; но нѣтъ! не въ ходу, знать, у насъ родное, — и графиня Ш., извѣстная законодательница модъ и грань-жанра, прозванная злыми языками «Царпцей Осъ» и «Медузою въ чепцѣ», предпочитала, въ отсутствіи оворуна, обращаться къ тутъ же вертѣвшимся итальянцамъ, молдаванцамъ, американскимъ «спиритамъ», бойкимъ секретарямъ иностранныхъ посольствъ, нѣмчикамъ съ женоподобною, но уже осторожною фізіономіей и т. п. Подражая примѣру графини, и княгиня *Vabette*, то самая, у которой на рукахъ

умеръ Шопенъ (въ Европѣ считаютъ около тысячи дамъ, на рукахъ которыхъ онъ испустилъ духъ), и княгиня Annette, которая всѣмъ бы взяла, если бы по временамъ, внезапно, какъ запахъ капусты среди тончайшей амбры, не проскакивала въ ней простая деревенская прачка; и княгиня Rachette, съ которою случилось такое несчастіе: мужъ ея попалъ на видное мѣсто и вдругъ, Dieu sait pourquoi, прибилъ градского голову и укралъ 20.000 р. с. казенныхъ денегъ; и смѣшная княжна Зизі, и слезливая княжна Зозо; всѣ онѣ оставляли въ сторонѣ своихъ земляковъ, немилостиво обходились съ ними . . . Оставимъ же и мы ихъ въ сторонѣ, этихъ прелестныхъ дамъ, и отойдемъ отъ знаменитаго дерева, около котораго онѣ сидятъ въ такихъ дорогихъ, но нѣсколько безвкусныхъ туалетахъ, и пошли имъ Господь облегченія отъ грызущей ихъ скуки!

II

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ «русскаго» дерева, за маленькимъ столомъ передъ кофейной Вебера, сидѣлъ красивый мужчина лѣтъ подъ тридцать, средняго роста, сухощавый и смуглый, съ мужественнымъ и пріятнымъ лицомъ. Нагнувшись впередъ и опираясь обѣими руками на палку, онъ сидѣлъ спокойно и просто, какъ человѣкъ, которому и въ голову не можетъ придти, чтобы кто-нибудь его замѣтилъ или занялся имъ. Его каріе съ желтизной, большіе выразительные глаза медленно посматривали кругомъ, то слегка прищуриваясь отъ солнца, то вдругъ упорно провожая какую-нибудь мимо проходившую, экцен-

трическую фигуру, причемъ быстрая, почти дѣтская усмѣшка чуть-чуть трогала его тонкіе усы, губы и выдающійся крутой подбородокъ. Одѣтъ онъ былъ въ просторное пальто нѣмецкаго покроя, и сѣрая мягкая шляпа закрывала до половины его высокій лобъ. На первый взглядъ онъ производилъ впечатлѣніе честнаго и дѣльнаго, нѣсколько самоувѣреннаго малаго, какихъ довольно много бываетъ на бѣломъ свѣтѣ. Онъ, казалось, отдыхалъ отъ продолжительныхъ трудовъ, и тѣмъ простодушнѣе забавлялся разстилавшеюся передъ нимъ картиной, что мысли его были далеко, да и вращались онѣ, эти мысли, въ мірѣ, вовсе не похожемъ на то, что его окружало въ этотъ мигъ. Онъ былъ русскій; звали его Григоріемъ Михайловичемъ Литвиновымъ.

Намъ нужно съ нимъ познакомиться, и потому приходится рассказать въ короткихъ словахъ его прошедшее, весьма незатѣйливое и несложное.

Сынъ отставнаго служакки-чиновника изъ купеческаго рода, онъ воспитывался не въ городѣ, какъ слѣдовало ожидать, а въ деревнѣ. Мать его была дворянка, изъ институтокъ, очень доброе и очень восторженное существо, не безъ характера однако. Будучи двадцатью годами моложе своего мужа, она его перевоспитала, насколько могла, перетасила его изъ чиновничьей колени въ помѣщичью, укротила и смягчила его дюжій, терпкій нравъ. По ея милости онъ сталъ и одѣваться опрятно, и держаться прилично, и браниться бросилъ; сталъ уважать ученыхъ и ученость, хотя, конечно, ни одной книги въ руки не бралъ, и всячески старался не уронить себя: даже ходить сталъ тише и говорилъ расслабленнымъ голосомъ, все больше о

предметахъ возвышенныхъ, что ему стоило трудовъ немалыхъ. «Эхъ! взялъ бы да выпоролтъ!» думалъ онъ иногда про себя, а вслухъ произносилъ: «да, да, это . . . конечно; это вопросъ». Домъ свой мать Литвинова также поставила на европейскую ногу; слугамъ говорила: «вы», и никому не позволяла за обѣдомъ наѣдаться до сопѣнія. Что же касается до имѣнія ей принадлежавшаго, то ни она сама, ни мужъ ея ничего съ нимъ сдѣлать не сумѣли: оно было давно запущено, но многоземельно, съ разными угодьями, лѣсами и озеромъ, на которомъ когда-то стояла большая фабрика, заведенная ревностнымъ, но безалабернымъ баринномъ, процвѣтавшая въ рукахъ плута купца и окончательно погибшая подъ управленіемъ честнаго антрепренера изъ нѣмцевъ. Госпожа Литвинова уже тѣмъ была довольна, что не разстроила своего состоянія и не надѣлала долговъ. Къ несчастью, здоровьемъ она похвалиться не могла и скончалась отъ чахотки въ самый годъ поступленія ея сына въ Московскій университетъ. Онъ не кончилъ курса, по обстоятельствамъ (читатель узнаетъ о нихъ впоследствии), и угодилъ въ провинцію, гдѣ потолокся нѣсколько времени безъ дѣла, безъ связей, почти безъ знакомыхъ. По милости нерасположенныхъ къ нему дворянъ его уѣзда, проникнутыхъ не столько западною теоріей о вредѣ «абсентѣизма», сколько доморощеннымъ убѣжденіемъ, что «своя рубашка къ тѣлу ближе», онъ въ 1855 году попалъ въ ополченіе и чуть не умеръ отъ тифа въ Крыму, гдѣ, не выдавъ ни одного «союзника», простоялъ шесть мѣсяцевъ въ землянкѣ на берегу Гнилого моря; потомъ служилъ по выборамъ, конечно, не безъ непріятностей,

и, поживъ въ деревнѣ, пристрастился къ хозяйству. Онъ понималъ, что имѣніе его матери, плохо и вяло управляемое его одряхлѣвшимъ отцомъ, не давало и десятой доли тѣхъ доходовъ, которые могло бы давать, и что въ опытныхъ и знающихъ рукахъ оно превратилось бы въ золотое дно; но онъ также понималъ, что именно опыта и знанія ему недоставало — и онъ отправился за границу учиться агрономіи и технологіи, учиться съ азбуки. Четыре года слишкомъ провелъ онъ въ Мекленбургѣ, въ Сплезин, въ Карлсруэ, ѣздилъ въ Бельгію, въ Англію, трудился добросовѣстно, приобрѣлъ познанія: не легко они ему давались; но онъ выдержалъ искусь до конца, и вотъ теперь, увѣренный въ самомъ себѣ, въ своей будущности, въ пользѣ, которую онъ принесетъ своимъ землякамъ, пожалуй даже всему краю, онъ собирается возвратиться на родину, куда съ отчаянными заклинаніями и мольбами въ каждомъ письмѣ звалъ его отецъ, совершенно сбитый съ толку эманципаціей, разверстаніемъ угодій, выкупными сдѣлками, новыми порядками, однимъ словомъ . . . Но зачѣмъ же онъ въ Баденѣ?

А зачѣмъ онъ въ Баденѣ, что онъ со дня на день ожидаетъ пріѣзда туда своей троюродной сестры и невѣсты — Татьяны Петровны Шестовой. Онъ зналъ ее чуть не съ дѣтства и провелъ съ ней весну и лѣто въ Дрезденѣ, гдѣ она поселилась съ своей теткой. Онъ искренно любилъ, онъ глубоко уважалъ свою молодую родственницу, и окончивъ свою темную, приготовительную работу, собираясь вступить на новое поприще, начать дѣйствительную, не коронную службу, предложилъ ей, какъ любимой женщинѣ, какъ товарищу и другу,

соединить свою жизнь съ его жизнью на радость и на горе, на трудъ и на отдыхъ, «for better for worse», какъ говорить англичане. Она согласилась, и онъ отправился въ Карлсруэ, гдѣ у него оставались книги, вещи, бумаги . . . Но почему же онъ въ Баденѣ, спросите вы опять?

А потому онъ въ Баденѣ, что тетка Татьяны, ее воспитавшая, Капитолина Марковна Шестова, старая дѣвица 55 лѣтъ, добродушнѣйшая и честнѣйшая чудачка, свободная душа, вся горящая огнемъ самопожертвованія и самоотверженія, esprit fort (она Штрауса читала, — правда, тихонько отъ племянницы) и демократка, заклятая противница большого свѣта и аристократіи, не могла устоять противъ соблазна хотя разочекъ взглянуть на самый этотъ большой свѣтъ въ такомъ модномъ мѣстѣ, каковъ Баденъ . . . Капитолина Марковна ходила безъ кринолина и стригла въ кружокъ свои бѣлые волосы, но роскошь и блескъ тайно волновали ее, и весело и сладко было ей бранить и презирать ихъ . . . Какъ же было не потѣшить добрую старушку?

Но оттого-то Литвиновъ такъ спокоенъ и простъ, оттого онъ такъ самоувѣренно глядитъ кругомъ, что жизнь его отчетливо ясно лежитъ предъ нимъ, что судьба его опредѣлилась, и что онъ гордится этою судьбой, и радуется ей, какъ дѣлу рукъ своихъ.

III

— Ба! ба! ба! вотъ онъ гдѣ! — раздался вдругъ надъ самымъ его ухомъ пискливый голосъ, и отекая рука потрепола его по плечу.

Онъ поднялъ голову — и узрѣлъ одного изъ своихъ немногочисленныхъ московскихъ знакомыхъ, нѣкоего Бамбаева, человѣка хорошаго, изъ числа пустѣйшихъ, уже немолодого, съ мягкими, словно разваренными щеками и носомъ, взерошенными жирными волосами и дряблымъ тучнымъ тѣломъ. Вѣчно безъ гроша и вѣчно отъ чего-нибудь въ восторгѣ, Ростиславъ Бамбаевъ шлялся съ крикомъ, но безъ цѣли, по лицу нашей много-сносной матушки земли.

— Вотъ что называется встрѣча! — повторялъ онъ, расширяя заплывшіе глазки и выдвигая пухлыя губки, надъ которыми странно и неумѣстно торчали крашеные усы. — Ай да Бадень! Всѣ сюда какъ тараканы лѣзутъ. Какъ ты сюда попалъ?

Бамбаевъ «тыкалъ» рѣшительно всѣхъ на свѣтѣ.

— Я четвертаго дня сюда пріѣхалъ.

— Откуда?

— Да на что тебѣ знать?

— Какъ на что! Да постой, постой, тебѣ, можетъ быть, не извѣстно, кто еще сюда пріѣхалъ! Губаревъ! Самъ, своей особой! Вотъ кто здѣсь! Вчера изъ Гейдельберга прикатилъ. Ты, конечно, съ нимъ знакомъ?

— Я слышалъ о немъ.

— Только-то? Помилуй! Сейчасъ, сію минуту мы тебя къ нему потащимъ. Эдакого человѣка не знать! Да вотъ кстати и Ворошиловъ . . . Постой, ты, пожалуй, и съ нимъ не знакомъ? Честь имѣю васъ другъ другу представить. Оба ученые! Это даже фениксъ! Поцѣлуйтесь!

И сказавъ эти слова, Бамбаевъ обратился къ стоявшему возлѣ него красивому молодому человѣку съ свѣжимъ и розовымъ, но уже серьезнымъ